

УДК 801

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДИКАТЫ «УДИВЛЯТЬСЯ» И «ДИВИТЬСЯ» В ДРЕВНЕРУССКИХ ТЕКСТАХ ПОТЕСТАРНОЙ СЕМАНТИКИ

Т.В. Михайлова (Красноярск, Россия)

А.В. Михайлов (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В статье, продолжающей тему публикации, осуществленной ранее в настоящем журнале, рассматриваются эмоциональные предикаты с семантикой удивления («удивляться» и «дивиться»).

Цель статьи состоит в анализе предикатов с эмоциональной семантикой, показывающих внутреннюю жизнь правителя и его врагов, в древнерусских текстах о власти, прежде всего в «Повести временных лет», в текстах «Повестей Смутного времени» и др.

Авторами произведен *обзор научной литературы* по проблеме. Этическая оценка субъектов древнерусской власти производится книжниками при помощи лексем удивляти(ся) и дивити(ся), именных предикатов на базе корня -див-. Охарактеризованы синтаксические отношения предикатов эмоционального плана.

В результате исследования получены выводы о технологиях выражения эмоциональной составляющей властных лиц Древней Руси, о взаимодействии предикативных блоков внутри высказывания. Авторами разработана собственная методика анализа лексики потестарных текстов, изучения потестарной области социального пространства Древней Руси. Суть ее состоит в выявлении соотношений синтаксической структуры высказываний с семантикой описываемых образов властителей.

Выводы. Эмоциональный предикат удивления имеет различные амбивалентные коннотации, связанные прежде всего с нарушениями обычных причинно-следственных связей.

Ключевые слова: древнерусские тексты, семантика властного пространства, образ властителя, оценочные предикаты, глаголы «удивляться» и «дивиться», конструкции с семантикой удивления.

Постановка проблемы. Как указывалось ранее авторами, эмотивная лексика связана с выражением различных ценностных систем, обыденных, «нормальных» для авторов древнерусских текстов или, напротив, специально конструированных, когда необходимо было развить определенный круг идей [Михайлова, Михайлов, 2024, с. 42].

Идеал, конструируемый книжниками Древней Руси, принимается теми, кто читал эти тексты, обладая общими ценностными установками в области властной тематики. Эмотивная семантика, как полагаем, способна через описание эмоциональных состояний субъектов власти выразить как внешнюю этическую оценку субъектов, так и через описание внутренних переживаний с некоей степенью гипостазировать актуальные состояния и предполагать динамику их эмоций.

Подобная экспликация оценочной семантики наблюдается и в Повести временных лет, и в последующих текстах вплоть до середины XVII в.

Цель статьи – описать оценочные высказывания в древнерусских текстах потестарной семантики, использующие эмоциональные предикаты с семантикой удивления.

Обзор научных исследований. Концепты удивления имеют свои особенности в диахроническом развитии, что объясняется их тесной связью с социальной перцепцией. Специфика реализации подобных эмоциональных концептов связана с ценностными представлениями о мире языковых носителей [Степанов, 1997].

По мнению исследователей, «нарушение вероятностного прогноза, лежащее в основе удивления, делает перспективным исследование его языковой объективации»¹, поскольку феномен удивления часто требует пояснения в тексте. Такие интерпретационные тексты, на наш взгляд, являются одним из способов конструирования нужного образа окружающего мира, в том числе и в области властных отношений.

Если предикаты радости и веселья в большей своей части создают положительную оценочность в древнерусском тексте, то предикаты удивления имеют амбивалентную оценочность, которая определяется интерпретацией автора текста.

Удивление как эмоциональное состояние, вызываемое странностью/необычностью, непонятностью и неожиданностью, объясняется несоответствием реальности и вероятностного прогноза. Обычные, предсказуемые для субъекта причинно-следственные связи между объектами действительности нарушаются и устанавливаются аномальные, вызывающие реакцию удивления.

В ряде исследований предлагаются различные способы описания функционирования эмотивов в тексте, например, основываясь на описании сценариев протекания эмоции² (также см. работу [Зализняк, 1992, с. 19]), использование понятия каузатора, стимула в трудах авторов [Кустова, 2005, Овсянникова, 2019].

Важно также и то, что предикаты эмоциональной оценки как ядро высказывания могут быть представлены в различных вариантах лексического наполнения и синтаксических конструкций [Вольф, 1989].

Результаты и обсуждение. Опираясь на данные работы, мы приходим к выводу, что семантическая структура высказывания, в которой представлен предикат удивления, состоит из следующих элементов: (1) событие-каузатор, или стимул, (2) эмоция как реакция на событие и (3) оценочная интерпретация. Конечно, в анализируемых текстах эта структура будет представлена в различных вариантивных моделях.

¹ Дорофеева Н.В. Удивление как эмоциональный концепт: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002. С. 5.

² Сергеев А.И. Контрастивно-семантический анализ концепта «удивление» в русском и немецком языках (на материале произведений Н.В. Гоголя и Э.Т.А. Гофмана): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Московский гос. обл. ун-т, 2004. 17 с.

Модель 1. Это полный вариант репрезентации элементов семантической структуры высказывания с предикатом удивлять: (1) событие – (2) реакция на событие (удивление) – (3) оценка (оценка-вывод или пояснение оснований оценки).

1. *Бе тогда царь имянем Цемьскии; и приде к нему Ольга, и (1) видѣвъ ю, добру сущу zelo лицемъ и смыслену, (2) удививься царь разуму ея, беседова к ней и рекъ ей: (3) «Подобна еси царствовати въ градъ с нами»³.*

В данном высказывании событие (приход Ольги к византийскому правителю) раскрывается через визуальный канал восприятия субъекта эмоционального высказывания. Третий элемент семантической структуры высказывания – «оценка» – представляет собой оценку-вывод, выраженную, как часто бывает в древнерусском тексте, словами самого персонажа в прямой речи.

В следующем примере в элементе (3) представлено обширное обоснование оценки.

2. (1) *А что послы твои черезъ обычей и черезъ опасную грамоту такъ безчестованы и в поиманье были, и (2) ты тому не дивися: (3) за твое неподобное дѣло над нашими послы терпѣти было не возможно, да и еще то не сровнялося с нашими послы – наши великие люди, а тѣ – страдники⁴.*

По нашим наблюдениям, в потестарных древнерусских текстах ситуация удивления чаще всего представлена в редуцированном варианте. Назовем эти варианты модель 2 и модель 3.

Модель 2. (1) событие – (2) реакция на событие (удивление) (см. далее).

3. *Как въсть та къ папѣ приидеть, что (1) онъ ихъ латынскую въру принялъ, и (2) имъ то все будетъ во удивленіе, и въ радости они всѣ о томъ станутъ веселитися и радоватися...⁵*

Событие в примере 3 эксплицировано в придаточной части предложения, занимающей позицию делибератива. Событие также может описываться через восприятие субъектов (предикаты *видети*, *слышати*), как в примерах 1 и 4.

4. (1) *Люди же слышаше сія [о другом лже-царе. – Т.М., А.М.], (2) во удивленіи быша и ужась⁶.*

³ Лаврентьевская летопись: [цифровая копия]. Электронные текстовые данные СПб.: Российская национальная библиотека, 2012. URL: интернет-портал Президентской библиотеки. Оригинал рукописной книги из фонда Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург: Лаврентьевская летопись. 1377 г. 173 л. Шифр: Ф.п.IV.2. <https://www.prlib.ru/item/342021>. Л. 17.

⁴ Послание шведскому королю Юхану III 1573 года // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушк. дом). СПб.: Наука, 2001. Т. 11: XVI век. С. 210.

⁵ Так называемое Иное сказание // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. СПб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 92–93.

⁶ Так называемое Иное сказание // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. СПб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 51.

Модель 3. (2) реакция на событие (удивление) – (3) оценка (оценка-вывод или пояснение оснований оценки). Например.

5. *Да о том (2) добръ дивится Петръ, волоский воевода, и говорит так: (3) «Великий государь, сильный царь благовѣрный такія великия досады терпитъ от своего недруга от казанскаго царя»*⁷.

В примере 5 представлено оценочное обоснование (опять словами самого субъекта эмоционального предиката) ситуации удивления. «Аномальность» ситуации представлена приемом сопоставления двух правителей. Интересным является использование предиката удивления в императивных формах.

Императив и один из его семантических вариантов прохибитив (запрет) в свою семантику включают желание говорящего, лицо исполнителя (см. описание всех возможных лично-числовых комбинаций (Володин, Храковский, 1986) и контроль, понимаемый нами как «контроль говорящего над искомым действием» [Гусев, 2013, с. 25].

Предписывающий, нормативный элемент в структуре предиката удивления более ярко проявляется, объединяясь с императивной и прохибитивной семантикой, что позволяет древнерусским книжникам оказывать более интенсивное воздействие на восприятие обществом нужных идей.

Собственно императивная конструкция с предикатом удивления встречается довольно редко (ср., например, частотные употребления *радуйтесь и веселитесь*). Рассмотрим пример использования формы императива «совместного действия», т. е. императива в форме 1-го лица множественного числа.

Семантика этой формы «инклюзивна», что означает, что каузация императива направлена и на самого говорящего. Коммуникативная стратегия объединения автора и адресата важна при утверждении в обществе этических императивов. Именно поэтому в 6-м примере, построенном по модели 3, оценочное обоснование императива с предикатом удивления подробно и многословно.

6. (2) *Поревнуемъ и подивимся великому оному нашему граду Смоленску, (3) его же стояше къ западу, – како въ немъ наша же братія православныя христїане сидятъ, и великую всякую скорбь и тѣсноту терпятъ, и стоять крѣпциъ за православную вѣру и за святыя Божия церкви и за свои души и за всѣхъ за насъ, а общему нашему сопостату и врагу королю не покорятся и не здадутся*⁸.

Прохибитивные конструкции с предикатом удивления в форме 2-го лица множественного числа могут так же, как и в предыдущем случае, иметь коммуникативную задачу продвижения в обществе представляющихся автору важными

⁷ Сочинения Ивана Семеновича Пересветова... 2. Большая челобитная Пересветова // Памятники литературы Древней Руси: конец XV – первая половина XVI века. М.: Художественная литература, 1984. С. 603.

⁸ Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. Спб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 188–189.

этических принципов, в данном случае запретов. Автор Иного сказания, рассказывая о начале царствования Бориса Годунова, обращается к «своим».

7. О братіе любовніи! Не дивитися начинанію, но зрите, какво будетъ скончаніе⁹.

Следующие примеры – прохибитивы в форме 2-го лица единственного числа – это самые обычные императивы с негацией, когда адресат является и единственным исполнителем искомого действия. Данная форма обычно обозначает прямую каузацию [Гусев, 2013, с. 44].

В примере 2 (см. выше) автор Иван IV обращается к непосредственному адресату – шведскому королю, который предполагается и исполнителем искомого действия. Как видим, данный пример снабжен подробным обоснованием такой аномалии, как «бесчестование» послов с русской стороны, и почему шведский король не должен этому удивляться.

Как уже отмечалось, эмоция удивления связана с непонятными, странными, противоречащими обыденной логике явлениями, поэтому иногда в текстах с анализируемым предикатом появляется эффект «остранения» (по В. Шкловскому). Книжники включают в повествование точку зрения далеких субъектов – чужеземцев, как в примерах 1 (византийский царь «Цемьский» Цимисхий) и 5 («волоский воевода» Петр), либо неземных субъектов, как в последующих примерах.

В примере 8 Вассиан Рыло вдохновляет Ивана III подвигом его предка Дмитрия Донского, в примере 9 летописец прославляет убиенного князя Андрея Боголюбского, и при этом оба автора используют прием, хорошо известный в святоотеческой традиции, – выражают «небесную» ангельскую оценку.

8. Аггелы удиви и человекы возвесели своим мужеством...¹⁰.

9. Удивишася небеснии ангели, видяще кровь твою прольемую за Христа, рыдает же множество правоверных, зряще отца сырымъ и кормителя омраченымъ, звезду светоносную помрачаему¹¹.

Эмоциональный фон, сопровождающий ситуацию удивления, может быть связан с противоположными понятиями – от радости (пример 3) и до ужаса (пример 4). Ситуация удивления указывает на несоответствие представлениям об обычных жизненных отношениях и обстоятельствах и наблюдаемой субъектом

⁹ Так называемое Иное сказание // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. Спб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 16.

¹⁰ Послание на Угру Вассиана Рыло // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М.: Художественная литература, 1982. С. 528.

¹¹ Лаврентьевская летопись: [цифровая копия]. Электронные текстовые данные СПб.: Российская национальная библиотека, 2012. URL: интернет-портал Президентской библиотеки. Оригинал рукописной книги из фонда Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург: Лаврентьевская летопись. 1377 г. 173 л. Шифр: Ф.п.IV.2. <https://www.prlib.ru/item/342021>. Л. 24 об.

действительности. Чувства радости или ужаса в высказываниях способствуют увеличению интенсификации удивления субъекта. Видимо, поэтому в текстах присутствует определенное количество междометных, прилагательных, наречных лексем с корнем див-, выражающих оценочные и интенсифицирующие смыслы. Например.

10. *И премъгнишася тогда жилища человекская на звърская: дивіе бо, некроткое естество, медвѣди и волцы и лисицы и зайцы, на градская и на странная мѣста прешедше, тако же и птицы слетше на велицѣй пищи, на трупъ человеческомъ вселишася... И крыяхуся тогда человекци въ дебри непроходимыя...*¹².

Ср. междометие *дивь* в словаре¹³.

11. *И в то время дивне нѣяко Богъ руку помощи подал отдохнути землю христианской образомъ симъ*¹⁴.

Ср. также с лексемами *диво* и *дивь*, являющимися синонимами для слова *чудо*. В семантике этих слов присутствует семантический признак ‘аномальность’, т.е. несоответствие обычной, предсказуемой картине мира¹⁵. Именно такое несоответствие в древнерусском тексте описания чуда как дива часто сопровождается описанием благоговейного ужаса.

12. *Видѣхъ, рече, чудное виденіе и зѣло ужаса исполнено...*¹⁶.

13. *Азъ же ... воззрѣхъ ... чудное ужасное знаменіе...*¹⁷.

Эти примеры связаны с контекстами, описывающими пророческие «страшные» видения о пресечении династии и начале Смуты.

Как видим, предикаты удивления в древнерусских текстах не являются «эмоциональным нулем», «нейтральной» эмоцией, как это характерно для современного русского языка [Вотякова, 2015, с. 123]. Контексты с лексемами удивления и чуда (*чудо чудное, диво дивное, чудо дивное*), как и предикаты *удивляться, дивиться* в некоторых высказываниях, могут выражать чувство благоговейного удивления и одновременно ужаса.

¹² Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына... // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. Спб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 511.

¹³ Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. М.: Книга, 1989. Т. 1, ч. 1: А–Д. Стлб. 664.

¹⁴ История о Великом князе Московском // Библиотека литературы Древней Руси. Спб.: Наука, 2001. Т. 11: XVI в. С. 312.

¹⁵ Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. М.: Книга, 1989. Т. 1, ч. 1: А–Д. Стлб. 663–664.

¹⁶ «Повѣсть о видѣніи нѣкоему мужу духовному» благовещенского протопопа Терентия // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушк. дом). Спб.: Наука, 2006. Т. 14: конец XVI века – начало XVII века. Стлб. 178.

¹⁷ Повесть о некоей брани, належащей на Великую Россию // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. Спб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 255.

Об этом же пишет исследователь религиозного дискурса (текстов Нового Завета, творений Святых Отцов, молитв, псалмов и т.п.), которая как отдельный вид удивления выделяет «удивление-благоговение, являющееся источником веры и Богопознания»¹⁸.

Выводы. Таким образом, эмоциональный предикат удивления имеет различные амбивалентные коннотации, связанные прежде всего с нарушениями обычных причинно-следственных связей. Событие, служащее стимулом появления эмоции удивления, и оценка-вывод и оценочные пояснения, интерпретирующие причины появления эмоции удивления, конструируют необходимые книжникам этико-социальные смыслы в потестарных текстах.

Список источников

1. История о Великом князе Московском // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2001. Т. 11: XVI в. С. 310–479.
2. Лаврентьевская летопись: [цифровая копия]. Электронные текстовые данные (СПб., Российская национальная библиотека, 2012). URL: интернет-портал Президентской библиотеки. Оригинал рукописной книги из фонда Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург: Лаврентьевская летопись. 1377 г. 173 л. Шифр: Ф.п.IV.2. <https://www.prlib.ru/item/342021>
3. Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. СПб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 187–218.
4. «Повѣсть о видѣнїи нѣкоему мужу духовному» благовещенского протопопа Терентия // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушк. дом). СПб.: Наука, 2006. Т. 14: конец XVI в. – начало XVII века. С. 196–201.
5. Повесть о некоей брани, належащей на Великую Россию // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. СПб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 249–260.
6. Послание на Угру Вассиана Рыло // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М.: Художественная литература, 1982. С. 523–525.
7. Послание шведскому королю Юхану III 1573 года // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушк. дом). СПб.: Наука, 2001. Т. 11: XVI век. С. 116–135.
8. Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына... // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. СПб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 473–524.

¹⁸ Дорофеева Н.В. Удивление как эмоциональный концепт: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002. С. 12.

9. Сочинения Ивана Семеновича Пересветова... 2. Большая челобитная Пересветова // Памятники литературы Древней Руси: конец XV – первая половина XVI века. М.: Художественная литература, 1984. С. 602–624.
10. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. М.: Книга, 1989. Т. 1, ч. 1: А–Д. 806 с.
11. Так называемое Иное сказание // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. Спб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 1–144.

Библиографический список

1. Вольф Е.М. Оценка и норма в модальных структурах // Риторика и синтаксические структуры. Красноярск, 1988. С. 52–56.
2. Вотякова И.А. О концепте удивления в русской языковой картине мира // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2015. Т. 25, вып. 3. С. 120–124.
3. Гусев В.Ю. Типология императива. М.: Языки славянской культуры, 2013. 336 с.
4. Зализняк А.А. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния = Investigations in the semantics of inner state predicates. Мюнхен: Sagner, 1992. 201 с.
5. Кустова Г.И. О семантическом потенциале слов энергетической и экспериенциальной сферы // Вопросы языкознания. 2005. № 3. С. 53–79.
6. Михайлова Т.В., Михайлов А.В. Эмоциональные предикаты «радоваться» и «веселиться» в древнерусских текстах потестарной семантики // Сибирский филологический форум. 2024. № 3. С. 42–53.
7. Овсянникова М.А. Синтаксическое кодирование экспериенциальных ситуаций в русском языке: сопоставление групп глаголов восприятия, мышления и эмоций // Вопросы языкознания. 2019. № 6. С. 68–93.
8. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
9. Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив. Л.: Наука, 1986. 270 с.

Сведения об авторе

Татьяна Витальевна Михайлова – кандидат филологических наук, доцент кафедры общественных связей, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева; e-mail: ta.rada@mail.ru

Алексей Валерианович Михайлов – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой общественных связей, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнева; e-mail: avm_2006_64@mail.ru

EMOTIONAL PREDICATES 'UDIVLYATI(S'A)' AND 'DIVITI(S'A)' IN ANCIENT RUSSIAN TEXTS OF POTESTAR SEMANTICS

T.V. Mikhaylova (Krasnoyarsk, Russia)

A.V. Mikhaylov (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article, which continues the theme of the publication carried out earlier in this journal, examines emotional predicates with the semantics of surprise ('udivlatsa' and 'divitsa').

The purpose of the article is to analyze predicates with emotional semantics showing the inner life of the ruler and his enemies in ancient Russian texts about power, primarily in the *Tale of Bygone Years*, in the texts of *Tales of the Time of Troubles*, etc.

The authors have reviewed the *scientific literature* on the problem. The ethical assessment of the subjects of ancient Russian power is carried out by scribes using the lexemes *udivlyati(s'a)* and *diviti(s'a)*, nominal predicates based on the root -div-. The syntactic relations of predicates of the emotional plane are characterized.

As a result of the study, conclusions were drawn about the technologies of expressing the emotional component of the authorities of Ancient Russia, about the interaction of predicative blocks within the utterance. The authors have developed their own methodology for analyzing the vocabulary of potestar texts, studying the potestar area of the social space of Ancient Russia. Its essence consists in identifying the relationships between the syntactic structure of statements and the semantics of the described images of the rulers.

Conclusions. The emotional predicate of surprise has various ambivalent connotations, primarily related to violations of the usual causal relationships.

Keywords: *ancient Russian texts, imperious space semantics, ruler image, evaluative predicates, verbs udivlyati(s'a) and diviti(s'a), constructions with the semantics of surprise.*

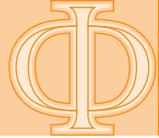
Sources

1. "A reminder of the appearance of a spiritual man" by the Annunciation Protopope Terenty // Library of Literature of Ancient Russia / RAS. Inst. Rus. lit. (Pushkin House). St. Petersburg: Nauka, 2006. Vol. 14: the end of the XVI century – the beginning of the XVII century. Pp. 196–201.
2. A new story about the glorious Russian Kingdom and the great state of Moscow // Monuments of ancient Russian writing related to the Time of Troubles / Russian Historical Library. Vol. XIII. St. Petersburg: Archeographic Commission; Type. I.N. Skorokhodova, 1891. Stlb. 187–218.
3. Laurentian Chronicle: [digital copy]. Electronic text data. (St. Petersburg: Russian National Library, 2012). Access mode: the Internet portal of the Presidential Library. The original handwritten book from the collection of the Russian National Library, St. Petersburg: Laurentian Chronicle. 1377, 173 l. Cipher: F.P.IV.2. <https://www.prilib.ru/item/342021> (access date: 05.09.2024).

4. Message to the Ugra by Vassian Rylo // Monuments of literature of Ancient Russia. The second half of the XV century. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1982. Pp. 523–525.
5. Sreznevsky I.I. Dictionary of the Old Russian language. M.: Book, 1989. Vol. 1. Part 1: A-D. 806 p.
6. The lament of the capture and ruin of the Moscow State // Monuments of ancient Russian writing, dating back to the Time of Troubles / Russian Historical Library. Vol. XIII. St. Petersburg: Archeographic Commission; Type. I.N. Skorokhodov, 1891. Stlb. 219–234.
7. The Legend of the siege of the Trinity-Sergius Monastery of Avraamiy Palitsyn... // Monuments of ancient Russian writing related to the Time of Troubles / Russian Historical Library. Vol. XIII. St. Petersburg: Archeographic Commission; Type. I.N. Skorokhodov, 1891. Stlb. 473–524.
8. The message to the Swedish King Juhan III in 1573 // Library of literature of ancient Russia / RAS. In-t Rus. lit. (Pushkin House). St. Petersburg: Nauka, 2001. Vol. 11: XVI century. Pp. 116–135.
9. The so-called Other legend // Monuments of ancient Russian writing related to the Time of Troubles / Russian Historical Library. Vol. XIII. St. Petersburg: Archeographic Commission; Type. I.N. Skorokhodov, 1891. Stlb. 1–144.
10. The story of a certain battle against Great Russia // Monuments of ancient Russian writing, dating back to the Time of Troubles / Russian Historical Library. Vol. XIII. St. Petersburg: Archeographic Commission; Type. I.N. Skorokhodov, 1891. Stlb. 249–260.
11. The story of the Grand Duke of Moscow // Library of Literature of Ancient Russia. Vol. 11: XVI century. St. Petersburg: Nauka, 2001. Pp. 310–479.
12. The works of Ivan Semenovich Peresvetov... 2. Bolshaya chelo-bitnaya Peresvetova // Monuments of literature of Ancient Russia: the end of the XV – the first half of the XVI century. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1984. Pp. 602–624.

References

1. Gusev V.Y. Typology of the imperative. M.: Languages of Slavic culture, 2013. 336 p.
2. Khrakovsky V.S., Volodin A.P. Semantics and typology of the imperative. Russian imperative. L.: Nauka, 1986. 270 p.
3. Kustova G.I. On the semantic potential of words belonging to energetic and experiential sphere // Voprosy Jazykoznanija. 2005. No. 3. Pp. 53–79.
4. Mikhaylova T.V., Mikhaylov A.V. Emotional predicates ‘rejoice’ and ‘have fun’ in ancient russian texts of potestar semantics // Siberian Philological Forum. 2024. No. 3. Pp. 42–53.
5. Ovsyannikova M.A. Syntactic coding of experimental situations in the Russian language: comparison of groups of verbs of perception, thinking and emotions // Questions of linguistics. 2019. No. 6. Pp. 68–93.

6. Stepanov Yu.S. Constants. Dictionary of Russian Culture. Research experience. Moscow: School of "Languages of Russian culture", 1997. 824 p.
7. Votyakova I.A. On the concept of surprise in the Russian language picture of the world // Bulletin of the Udmurt University. History and philology. 2015. Vol. 25. Issue 3. Pp. 120–124.
8. Wolf E.M. Evaluation and norm in modal structures // Rhetoric and syntactic structures. Krasnoyarsk, 1988. Pp. 52–56.

About the authors

Mikhaylova, Tatiana V. – PhD (Philology), Associate Professor, Public Relations Department, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: ta.rada@mail.ru

Mikhaylov, Alexey V. – PhD (Philology), Associate Professor, Head of Public Relations Department, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: avm_2006_64@mail.ru